

Авторитарная модернизация в России – миссия невыполнима?¹

В.Я. ГЕЛЬМАН*

*Владимир Яковлевич Гельман – кандидат политических наук, профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге; университет Хельсинки. Адрес: 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 3А. E-mail: vgelman@eu.spb.ru

Цитирование: Гельман В.Я. (2017) Авторитарная модернизация в России – миссия невыполнима? // Мир России. Т. 26. № 2. С. 38–61

Статья анализирует посткоммунистические социально-экономические реформы в России как частный случай проекта авторитарной модернизации – достижения высокого уровня социально-экономического развития посредством ускоренного роста экономики, исключая демократизацию политического режима в обозримом будущем. В статье рассматриваются аргументы сторонников проекта авторитарной модернизации и те дилеммы, вызовы и ограничения, с которыми столкнулась его реализация в России в 1990–2010-е годы. Особое внимание уделено низкому качеству российского государства на фоне низкого уровня международной вовлеченности страны, рентоориентированному характеру государственного управления и специфике режима электорального авторитаризма, создающих негативные стимулы к осуществлению проекта авторитарной модернизации. В статье проанализированы противоречия, которые вызваны непреднамеренными последствиями экономического развития с точки зрения спроса на демократизацию, расхождение между амбициозными проектами реформ политического курса и низким качеством их воплощения в жизнь силами государственного аппарата, а также «синдром посредственности», связанный с неоправданными претензиями России на уникальное величие страны. Подчеркивается, что характеристики политико-экономического порядка в России ставят барьеры для реализации проекта авторитарной модернизации на уровне идей, институтов, политического курса, и его потенциал к настоящему времени можно считать исчерпанным.

Ключевые слова: модернизация, авторитаризм, государственное управление, реформы, политический курс, политический режим

¹ Работа выполнена в рамках Center of Excellence “Choices of Russian Modernization” при поддержке Академии наук Финляндии (грант № 284664).

Введение

Проект авторитарной модернизации выглядит привлекательным в различных социальных и политических контекстах. Он исходит из понимания процессов модернизации в узком смысле – как набор технических мер политического курса (*policy*), направленных на достижение высокого уровня социально-экономического развития посредством ускорения экономического роста, в то время как широкие аспекты политической модернизации либо находятся за пределами текущей повестки дня, либо отодвигаются в неопределенное будущее. Авторитарная модернизация поддерживается многими экспертами, политиками и гражданами по всему миру, особенно на фоне экономических успехов стран Восточной Азии (прежде всего Китая). События улучшить качество проводимого политического курса в условиях «свободы рук», без ограничений и дефектов, по определению присущих многим либеральным демократиям, усиливается благодаря тому, что авторитаризм часто помогает правительствам проводить реформы, изолируя их от влияния со стороны политических партий и общественных предпочтений. Тем самым реформаторы могут осуществить непопулярные меры, которые оказываются заблокированными в условиях демократических режимов.

Постсоветская Россия может рассматриваться как один из случаев реализации этого проекта в современном мире: не только идеи авторитарной модернизации глубоко укоренены в досоветском и советском прошлом России, но и сегодняшняя повестка дня во многом отвечает определенным интересам и ожиданиям немалой части российских элит и общества в целом. Многочисленные исследователи и эксперты дискутировали о проблемах посткоммунистической трансформации в России, связанные с одновременными процессами смены политического режима, экономических реформ и государственного строительства [*Offe* 1991] сквозь призму анализа различных измерений модернизации страны [*Åslund* 2007; *Treisman* 2011; *Gaddy, Ickes* 2013; *Ledeneva* 2013; *Gel'man* 2015; *Hale* 2015]. Однако большинство авторов склонны исследовать политические и социально-экономические траектории России по отдельности, уделяя меньше внимания их взаимосвязи и противоречиям.

Хотя в прошлом многие векторы модернизации различных стран носили авторитарный характер [*Травин, Маргания* 2004; *Травин, Маргания* 2011], в современном мире истории успеха проекта авторитарной модернизации довольно редки. Во второй половине XX в. авторитарные режимы демонстрировали гораздо больший разброс параметров экономического роста и траекторий развития, нежели демократии [*Przeworski, Alvarez, Cheibub, Limongi* 2000]. Как отмечал Дани Родрик, «на каждого Ли Кван Ю в Сингапуре приходится много Мобуту в Конго» [*Rodrik* 2010]. Редким примерам успешного создания эффективных государств и процветающих экономик при авторитаризме противостоят многочисленные диктатуры, которые ведут свои страны в сторону упадка и разложения. С этой точки зрения постсоветская Россия не похожа ни на Сингапур, ни на Конго: скорее, политические и экономические пути ее развития в 1990–2010-е гг. напоминали колебания маятника. Политический режим после перестроечной либерализации и демократизации трансформировался в постсоветские десятилетия в электоральный авторитаризм [*Levitsky, Way* 2010; *Gel'man* 2015; *Hale* 2015]. Социально-экономическое развитие страны после весьма глубокого и продолжительного трансформационного спада

1990-х гг. демонстрировало впечатляющий рост в период 2000-х гг., вызванный не только высокими ценами на нефть на глобальных рынках, но и рядом реформ, проводившихся правительством [Åslund 2007; Alexeev, Weber 2013; Gaddy, Ickes 2013]. В плане государственного строительства Россия избежала угроз территориальной дезинтеграции в 1990-е гг. и заметно усилила административный потенциал в 2000-е гг., но в настоящее время по-прежнему остается неэффективным государством с низким качеством управления, вызывающим резкую критику со стороны наблюдателей [Mendras 2011; Ledeneva 2013; Gel'man 2016]. Во многом эти тенденции были неизбежны для страны с наследием коммунистического прошлого [Beissinger, Kotkin 2014] и относительно низкой международной интеграцией. Но при этом одни специалисты выражают надежду на десятилетия успешного роста и развития при сохранении политического статус-кво [Treisman 2011; Hale 2015], другие относятся к этой перспективе скептически [Gel'man 2016]. После 2014 г. на фоне нарастания ряда геополитических конфликтов и экономического спада в России задачи экономического роста, развития и международной интеграции утратили первостепенное значение в российской политической повестке дня; в этом контексте проект авторитарной модернизации в России сталкивается со значительными вызовами.

В самом деле, почему Россия (в отличие от ряда посткоммунистических стран от Эстонии до Монголии) осуществляет проект авторитарной модернизации после распада СССР? Какова идейная повестка дня этого проекта и почему он доминирует в российском социальном и политическом контексте? Каковы механизмы государственного управления, которые приводят его в действие, и как они работают на практике? Почему этот проект принес столь сильно различающиеся результаты в различных сферах и почему они часто влекли за собой непреднамеренные последствия и противоречия? Наконец, почему, несмотря на многочисленные неудачи, а то и провалы, проект авторитарной модернизации по-прежнему рассматривается как безальтернативный в глазах немалой части российских элит и граждан? Целостный анализ различных аспектов авторитарной модернизации в России требует систематических коллективных и междисциплинарных усилий со стороны международного научного и экспертного сообщества. Задача этой работы более скромная: поставить некоторые из этих вопросов в исследовательскую повестку дня и предложить ряд предварительных ответов, стимулируя дальнейшую дискуссию среди специалистов о логике и механизмах авторитарной модернизации в России и их воздействии на политику, экономику и общество.

Скромное обаяние авторитарной модернизации

Как и другие концепты в социальных науках, концепт модернизации имеет собственную историю. После бума теорий модернизации в 1950-е и 1960-е гг. [Gershenkron 1962; Black 1966; Huntington 1968] они подверглись повсеместной критике в 1970-е и 1980-е гг., и даже само использование термина «модернизация» было поставлено под вопрос. Однако позднее дискурс модернизации возродился вновь в связи с анализом влияния процессов социальных, экономических, политических и культурных изменений на траектории развития различных стран в сравнительной и исторической перспективе [Przeworski, Alvarez, Cheibub, Limongi 2000;

Inglehart, Welzel 2005; North, Wallis, Weingast 2009; Acemoglu, Robinson 2012]. Поэтому в современном лексиконе «модернизация» чаще всего ассоциируется как с прогрессом и развитием обществ в различных сферах (человеческий капитал, благосостояние или же политические свободы), так и с мерами политического курса, которые ориентированы на достижение этого прогресса тем или иным образом (эти меры часто обозначают как «реформы»). Специалисты различных дисциплин стремятся выявить каузальные механизмы прогресса и регресса в развитии различных стран и преобладания в них инклюзивных экономических и/или политических институтов [Acemoglu, Robinson 2012], чтобы понять логику того, почему некоторые из них со временем переходят к «порядку открытого доступа» [North, Wallis, Weingast 2009], а другие – нет.

Одним из наиболее спорных аспектов ряда дискуссий о модернизации является вопрос о влиянии политических режимов и их изменений на процессы развития и экономического роста: в какой мере успехи и/или провалы модернизации связаны с демократией либо с авторитаризмом. Может ли устойчивое социально-экономическое развитие успешно сочетаться с демократизацией политических режимов («широкая», или демократическая модернизация), или устойчивый экономический рост и развитие должны предшествовать политической демократизации («узкая», или авторитарная модернизация)? Дебаты о достоинствах и недостатках обеих моделей модернизации в современном мире начались еще в 1960-е гг. [Huntington 1968] и продолжились в контексте посткоммунистических преобразований [Offe 1991]. Голоса в поддержку «узкой» авторитарной модернизации, звучащие со стороны проponentов китайской модели развития [Polterovich, Popov 2007; Popov 2014], привлекают внимание специалистов как в теоретическом, так и в прикладном аспекте. С этой точки зрения современная Россия может рассматриваться как своего рода лаборатория авторитарной модернизации с присущими ей дилеммами, вызовами и ограничениями. После провала реформ периода перестройки, когда сочетание непоследовательных полумер в экономике с политической либерализацией внесло вклад в распад СССР, российские лидеры стремились ограничить политические свободы и взамен выдвигали экономические преобразования в качестве приоритета своей повестки дня. Несмотря на то, что эти подходы на практике принесли смешанные и довольно противоречивые результаты, вопрос о влиянии различных факторов на реализацию проекта авторитарной модернизации остается открытым. Поэтому переосмысление опыта постсоветской России в отношении идей, институтов и политических курсов авторитарной модернизации может позволить сказать новое слово в обсуждении этих проблем.

Дискуссии о модернизации активно велись в посткоммунистической России – и среди экспертного сообщества, и в СМИ, особенно в период президентства Д.А. Медведева, когда идея модернизации была выдвинута в центр политической повестки дня [Medvedev 2009]. Не вдаваясь в детали дискуссий в СМИ (см. обзор: [Pietilainen 2017]), стоит отметить, что большинство представителей российского экспертного сообщества не то чтобы не поддерживали или оспаривали авторитарный характер модернизации в современной России, они воспринимали его, скорее, как неизбежную данность. В этом сходились точки зрения и экономических либералов [May 2002; May 2004], и сторонников активного государственного регулирования [Полтерович 2007], и активных участников разработки правительственных программ [Пономарев, Ремизов, Карев, Бакулев 2009; Стратегия-2020 2012],

и их критиков [Иноземцев 2009]. В то время как российские экономисты рассматривали авторитарный характер модернизации главным образом в связи с проблемой повышения качества институтов и роли агентов, заинтересованных в их улучшении [Аузан, Золотов 2008; Полтерович 2008; Zhuravskaya, Guriev 2010], социологи анализировали авторитарную модернизацию в России сквозь призму анализа массовых настроений и общественных ожиданий [Грин 2011; Гудков (1) 2011; Гудков (2) 2011]. Так или иначе, утверждение о том, что в начале XXI в. проект авторитарной модернизации в России представлялся российскими специалистами как практически безальтернативный, не выглядит преувеличением.

Основные аргументы сторонников авторитарной модернизации (не только в России) носят как идейный, так и сугубо прагматический характер. На уровне идей проект авторитарной модернизации связан с нормативной критикой расширения политических и социальных прав граждан модернизирующихся стран как источника нестабильности, конфликтов и упадка политического порядка [Huntington 1968]: примерами такого рода для России могут служить распад СССР и ряд сопутствовавших ему кризисов. Последовательность развития, которая предполагает постепенное строительство сильного и эффективного государства на основе долгосрочного экономического роста и развития и откладывание демократизации на долгие годы, если не на десятилетия, рассматривается как желательная альтернатива такому развитию событий. Хотя если речь не идет о «лучшем из двух миров», такой подход, по крайней мере, призван избежать худших сочетаний политических и экономических изменений. В прагматическом плане реализации реформ политического курса авторитарная модернизация выглядит для политических лидеров более предпочтительной, нежели демократическая, поскольку демократизация создает немалые риски для эффективного государственного строительства и функционирования рынков. Конкурентные выборы создают эффекты политических бизнес-циклов, которые провоцируют проведение популистской политики; разделение властей позволяет вето-игрокам блокировать принятие важнейших решений и/или выхолащивать их суть; многопартийные коалиции способствуют компромиссным и неэффективным решениям, а широкое политическое представительство заинтересованных групп ведет к преобладанию распределительных коалиций, занятых извлечением ренты и ориентированных на «захват государства» и т.д. [Gel'man, Starodubtsev 2016]. Эти неустранимые дефекты столь широко распространены, что порождают большие надежды на реформистски настроенных авторитарных лидеров, которые при поддержке квалифицированных экспертов способны успешно модернизировать свои страны, избежав рисков потери власти и угроз со стороны популистов и соискателей ренты. В русле этих аргументов демократизация в лучшем случае рассматривается как отдаленный побочный результат строительства эффективных институтов, которые обеспечивают долгосрочный экономический рост. Если и когда такие институты возникают в условиях авторитаризма (как на основе договоренностей различных сегментов элит, так и посредством прямого принуждения со стороны политических лидеров), их укоренение воспринимается как ключ к успеху модернизации и первый шаг на пути становления стабильных политико-экономических порядков [North, Wallis, Weingast 2009]. Поскольку средние темпы экономического роста в условиях демократических и авторитарных режимов во второй половине XX в. между собой не слишком различались [Przeworski, Alvarez, Cheibub, Limongi 2000], неудивительно,

что некоторые эксперты признают проект авторитарной модернизации как оптимальный рецепт для ряда стран, включая и посткоммунистические [Popov 2014]².

Почему же применение рецептов авторитарной модернизации на деле ведет к настолько неоднозначным результатам? Как правило, опыт тех или иных государств различен в плане их стартовых условий модернизации, исторического опыта и международной среды. Не так много стран сочетают преимущества относительной экономической и технологической отсталости с сильным потенциалом догоняющего развития [Gerschenkron 1962; Black 1966] в условиях «встроенной автономии» эффективного государства [Evans 1995] и «веберианского» качества бюрократии [Evans, Rauch 1999] на фоне сравнительно высокого уровня человеческого развития. Такая выигрышная комбинация не может внезапно возникнуть сама по себе или быть построена по проекту властей, по крайней мере, в краткосрочной перспективе. Точно так же немногие страны способны успешно проводить экспортно-ориентированный экономический курс, поддерживая свой высокий уровень международной интеграции и извлекая выгоды из благоприятного глобального экономического и политического климата.

Вместе с тем необходимо принять во внимание различия форм авторитаризма исходя из вариации срока существования этих режимов и их эффективности. Среди «гегемонных» автократий монархии и однопартийные режимы наиболее приспособлены для того, чтобы успешно осуществлять долгосрочные проекты развития, в то время как персоналистские режимы в этом отношении менее успешны [Geddes 2003; Magaloni 2008]. Что же касается электоральных авторитарных режимов, которые регулярно проводят значимые, но несправедливые выборы, то с точки зрения политического курса модернизации они сочетают худшие черты демократий и авторитарных режимов. С одной стороны, им присущи те же дефекты, что и демократиям: политические бизнес-циклы и поиск ренты распределительными коалициями никуда не исчезают. Но при этом они опираются на такие механизмы управления, как политизированный государственный контроль в экономике, патронаж и покупка лояльности элит и масс, сталкиваются с рисками смены политических лидеров в качестве основного вызова [Geddes 2003; Hale 2015]. Поскольку выживание этих режимов в гораздо большей степени зависит от массовой поддержки (нежели в случаях и демократий, и «гегемонных» авторитарных режимов), то проекты модернизации (даже в «узком» авторитарном формате) оказываются рискованными для электоральных авторитарных режимов и их лидеров, которые не склонны преследовать цели долгосрочного развития [Gel'man, Starodubtsev 2016].

Наконец, идейные соображения политических лидеров и их представления о прошлом, настоящем и будущем своих стран во многом определяют повестку дня политического курса в плане приоритетов, направлений развития и выбора возможных альтернатив. Лидеры, отдающие предпочтение проектам авторитарной модернизации, могут выбрать различные образцы поведения и преследовать различные стратегии. И даже благие намерения осуществления реформ не всегда приносят успех, особенно с учетом того, что проведение в жизнь преобразований является не только следствием технократической экспертизы, но и политическим вопросом соблюдения баланса интересов и создания ряда стимулов для влиятельных

² Обсуждение достоинств и недостатков этого подхода по отношению к современной России выходит за рамки настоящей работы (критику в сравнительном контексте см. [Easterly 2014]).

участников «выигрышных коалиций», которые формируются и поддерживаются вокруг политических лидеров. Скрытая, но ожесточенная конкуренция среди различных сегментов элит часто может объяснять, почему реформы оказываются принесены в жертву во имя стабильности режима, дабы предотвратить открытые конфликты внутри правящих групп [Bueno de Mesquita, Smith, Siverson, Morrow 2003; Svoboda 2012].

Несмотря на значимость углубленного анализа успехов и неудач проекта авторитарной модернизации в России, в последние годы эти темы нечасто обсуждались в сравнительной перспективе и в основном в русле аргументации о «последовательности» реформ: сначала государственное строительство и верховенство права, затем – демократизация [Polterovich, Popov 2007]. Хотя этот подход и подвергался обоснованной критике [Carothers 2007; Rodrik 2010], он остается привлекательным для политиков и экспертов некоторых стран, особенно недемократических. Но в какой мере рецепты историй успеха ряда авторитарных модернизаций могут быть пригодны для других государств? Являются ли они следствием особого сочетания благоприятных факторов (как в Восточной Азии во второй половине XX в.) или могут быть предложены как универсальное решение? Помогает ли проект авторитарной модернизации снизить риски попадания стран, которые не смогли создать эффективные государства и верховенство права, в «модернизационную ловушку» кумовского капитализма и неформального управления [Ledeneva 2013] или, напротив, усиливает эти риски? Ответы на эти вопросы, прошедшие сквозь призму анализа постсоветского опыта авторитарной модернизации в России, могут дополнить аргументацию текущих дискуссий. Однако российский случай пока остается не до конца изученным и особенно недостаточно теоретически осмысленным. Хотя некоторые аспекты анализируются на уровне *case studies* [Gel'man 2014; Kinossian, Morgan 2014] и/или сравнений современной России с другими постсоветскими государствами [Melville, Mironyuk 2016], с Китаем [Lo, Shevtsova 2012] и Южной Кореей [Zhuravskaya, Guriev 2010], сегодня настало время переосмыслить роль проекта авторитарной модернизации в тех политических и экономических изменениях, которые произошли в стране в конце XX – начале XXI вв., уделив основное внимание идеям, институтам и политическим курсам, повлиявшим на этот проект и его реализацию. Обсуждение этих проблем важно не только для понимания специфики современной России, но и для того, чтобы определить место российской траектории на мировой карте модернизации в современной и исторической сравнительной перспективе.

Российский опыт авторитарной модернизации, как в прошлом, так и в настоящем, весьма противоречив. С одной стороны, Россия была и остается во втором эшелоне стран мира с точки зрения социально-экономического и человеческого развития (хотя гораздо выше среднего уровня), и многочисленные попытки ее модернизации в XIX, XX и XXI вв. были ориентированы на то, чтобы догнать передовые страны. Однако низкое качество государства, и особенно бюрократии, оперирующей в рамках неопатримониальной модели государственного управления, все же представляется слабым звеном российской модернизации на протяжении десятилетий, если не веков [Pipes 1974], и постсоветский период ситуацию в этом отношении как минимум не улучшил. Многочисленные эксперты, анализировавшие негативное влияние советского наследия на современное развитие страны [Beissinger, Kotkin 2014], отмечали, что изначальные условия для постсоветской

модернизации в России были крайне неблагоприятными. С другой стороны, полупериферийная позиция России в глобальной экономике, и особенно неоправданно большая роль ее сырьевого сектора, повлекли за собой многочисленные «ловушки» постсоветской модернизации [Gaddy, Ickes 2013]. Относительная изоляция России от внешнего мира в отношении взаимосвязей [Levitsky, Way 2010] и противопоставление себя Западу в отношении международной политики, усилившееся после 2014 г., были также контрпродуктивны для ее модернизации.

Что касается динамики политического режима, то попытки политической модернизации России как после крушения монархии в 1917 г., так и после падения коммунистической власти в 1991 г. завершились неудачно. Если первая попытка повлекла за собой Гражданскую войну, то вторая сопровождалась крахом советского государства. В обоих случаях эти провалы открывали путь к строительству авторитарных режимов на руинах несбывшихся демократических ожиданий. Советская авторитарная модернизация времен Сталина привела к огромным человеческим жертвам, и ее экономический эффект оказался более чем сомнителен [Gregory 2004; Cheremukhin, Golosov, Guriev, Tsyvinski 2013]. После 1953 г. отказ от репрессий как главного инструмента управления страной обернулся противоречивыми последствиями для социально-экономического развития страны, и со временем потенциал советской модернизации оказался полностью исчерпан [Gaidar 2007; Popov 2014]. Постсоветская авторитарная модернизация также во многом строилась на руинах многих невыполненных обещаний демократизации и экономических реформ эпохи перестройки [Gel'man, Marganiya, Travin 2014]. Эффекты рыночных преобразований 1990-х гг. после распада СССР сыграли роль в бурном росте российской экономики в 2000-е гг. [Shleifer, Treisman 2000; Åslund 2007] на фоне нарастания авторитарных трендов в политике. Однако природа электорального авторитаризма с его «режимными циклами» [Hale 2015], неэффективный институциональный дизайн и преобладание извлечения ренты в процессе государственного управления [Gel'man 2016] создавали серьезные проблемы для реализации политического курса и почти непреодолимые барьеры на пути проекта авторитарной модернизации [Gel'man, Starodubtsev 2016].

Помимо этого, идеи и представления также влияли на проект авторитарной модернизации в России. В то время как советская авторитарная модернизация продвигалась благодаря коммунистическим идеям и амбициями создать образец для подражания другим странам, постсоветская идейная повестка дня была принципиально иной по ряду параметров. Во-первых, в конце XX – начале XXI вв. в России идеи играли относительно небольшую роль по сравнению с интересами ключевых игроков [Hanson 2010; Hale 2015]. Во-вторых, для политических лидеров, оказавшихся у власти в России в 2000-е гг., представления о «хорошем Советском Союзе» (как улучшенной версии позднесоветской политической и экономической модели, демонстрирующей свою эффективность и также позволяющей избежать рисков перемен) служили нормативным образцом, задающим всю систему идейных координат [Gel'man, Marganiya, Travin 2014]. Но ретроспективно ориентированные взгляды на мир едва ли пригодны для проектов модернизации, включая ее авторитарный вариант. Ожидания экзистенциальных угроз нарушения политического статус-кво (во многом вызванные волной смены режимов в постсоветских странах) тоже препятствовали планам модернизации, сокращая временной горизонт для элит и вызывая потребность переадресации ресурсов государства на покупку лояльности элит

и масс [Greene 2010]. Приоритет информационных манипуляций как важного инструмента поддержания современных авторитарных режимов [Guriev, Treisman 2015] во многом способствовал формированию неверных представлений как у общества в целом, так и у части элит, которые порой принимали непродуманные решения из-за искаженной обратной связи и дефицита независимых источников информации [Svolik 2012]. Пока Россия переживала быстрый экономический рост в 1999–2008 гг., эти вызванные политическим режимом дефекты проекта авторитарной модернизации отчасти компенсировались притоком доходов, позволявшим поддерживать интересы «выигрышной коалиции», избегая рисков внутренних конфликтов, а также ослаблять общественный запрос на перемены. Но в 2010-е гг., на фоне нарастания экономических проблем и международных конфликтов, риски нарушения политического равновесия в России возросли [Gel'man 2015], и весь проект авторитарной модернизации в России оказался под вопросом.

Несмотря на это, «миф авторитарного роста» [Rodrik 2010] остается в центре российского подхода к социально-экономическому развитию и проведению политического курса на всем протяжении постсоветского периода. И в конфликтные 1990-е [Shleifer, Treisman 2000], и в консенсусные 2000-е [Gel'man, Starodubtsev 2016] демократические альтернативы модернизации всерьез не рассматривались, а точкой отсчета модернизации России служил авторитаризм. Этому подходу сопутствовал некоторый успех благодаря успешному сочетанию ряда факторов в ходе реформ начала 2000-х гг., которые можно оценить как «золотой век» проекта авторитарной модернизации в современной России. Преодоление затянувшегося трансформационного спада 1990-х гг., восстановление административного потенциала российского государства, серьезная рецентрализация государственного управления и консолидация российских элит наряду с разумными мерами в таких сферах, как налоговая и бюджетная реформы, способствовали социально-экономическому развитию страны по ряду направлений, обеспечивая быстрый экономический рост на фоне ралли нефтяных цен на мировых рынках [Åslund 2007; Appel 2011; Alexeev, Weber 2013]. В некоторых секторах экономики консолидация промышленных активов и приток инвестиций также помогли успешному проведению политического курса. Однако нельзя войти в одну реку дважды: широко разрекламированная риторика модернизации в период президентства Д.А. Медведева [Medvedev 2009] оказалась не более чем краткосрочной кампанией с фокусом на инновации в сфере высоких технологий (и в некоторых других сферах). Эта кампания столкнулась со структурными и институциональными ограничениями [Gaddy, Ickes 2013], а на фоне турбулентных политических изменений 2010-х гг. [Gel'man 2015] принесла лишь частичные и противоречивые результаты, а ко второй половине 2010-х гг. оказалась почти забытой. Однако экономический бум в России периода 1999–2008 гг. до сих пор рассматривается как образец для подражания в дискуссиях о проектах модернизации страны, несмотря на то, что эта история успеха во многом оказалась феноменом, обусловленным спецификой контекста социально-экономического развития страны в 2000-е гг.

Следует также подчеркнуть, что привлекательность проекта авторитарной модернизации в России имеет и иные глубокие корни: среди элит, интеллектуалов и общества в целом распространены представления об уникальности и «особом пути» страны наряду с явно неоправданной и тщеславной погоней за статусом, что повышает ожидания от грядущих модернизационных прорывов. Хотя международные амбиции

играют немалую роль в догоняющем развитии ряда государств второго эшелона модернизации [*Gerschenkron* 1962; *Black* 1966], в случае России они сопряжены со стремлением к реваншу страны за ее поражение в холодной войне и за распад Советского Союза (который с подачи В.В. Путина расценивается рядом россиян как «крупнейшая геополитическая катастрофа XX века» [*Путин* 2005]). Другими словами, экономическое развитие и связанные с ним социальные изменения (рост доходов, повышение уровня образования и здравоохранения, etc.) признаются лидерами России в качестве средств, но не целей стратегии модернизации страны. Эти тенденции стали ощутимее после 2014 г., когда следствием конфликта России со странами Запада вокруг Украины стали не только нарастающая международная изоляция (и самоизоляция) России, но и изменения повестки дня в стране. Проект авторитарной модернизации не был официально свернут, но вопросы развития оказались в его рамках намного менее значимыми. Экономические приоритеты во многом были подменены геополитическими амбициями, которые подогревали рост военных расходов. Сопряженные с этой сменой приоритетов меры политического курса (начиная от введения продуктовых контрсанкций, способствовавших росту цен на продовольствие, и заканчивая импортозамещением в ряде отраслей, от которого выиграли лишь отдельные заинтересованные группы) едва ли могли быть продуктивны для развития страны. Пока рано говорить о том, что «миф авторитарного роста» вскоре уйдет с российской повестки дня: хотя конкретные идеи модернизации и соответствующие меры политического курса выглядят сегодня менее значимыми, скромное обаяние авторитарной модернизации по-прежнему преобладает в России (и не только) отчасти в силу инерции идей и институтов, а отчасти благодаря интересам влиятельных бенефициариев данного проекта.

Дилеммы, вызовы и ограничения

Проект авторитарной модернизации в России сталкивается с рядом дилемм, вызовов и ограничений, заслуживающих отдельного анализа в свете российского опыта. Наряду с классическими дилеммами ответов режима на расширение политических требований граждан («дилемма короля») и реакции политических лидеров на неэффективность государственной бюрократии («дилемма политика»), необходимо принять во внимание вызовы несбывшихся обещаний (ожидания прогресса и быстрого достижения уровня развития передовых стран оказываются нереалистичны) и «синдром посредственности», обусловленный тем, что, несмотря на заявления о «величии» России, ее социальный и отчасти экономический профиль не слишком далек от средней «нормальной» страны. Кроме того, среди многочисленных ограничений проекта авторитарной модернизации в России особого анализа заслуживают проблемы поиска ренты, низкого качества государства и отсутствия верховенства права, создающие почти непреодолимые барьеры на пути реализации реформ политического курса в различных сферах [*Ledeneva* 2013; *Gel'man* 2016].

«Дилемма короля», обозначенная в ходе анализа рисков модернизации в традиционных «гегемонных» авторитарных режимах [*Huntington* 1968], релевантна и по отношению к постсоветской России. Экономический рост и развитие, лежащие в основе проекта авторитарной модернизации, способствуют увеличению массовых запросов на политические свободы (прежде всего среди городского среднего

класса) в качестве непреднамеренных последствий. Волна политических протестов, накрывшая Россию в 2011–2012 гг. после десяти с лишним лет роста реальных доходов, может рассматриваться как типичное проявление такого рода требований [Gel'man 2015]. Политические лидеры, таким образом, оказываются перед нелегким выбором – между дальнейшим продолжением проекта авторитарной модернизации (и повышением рисков нарушения политического равновесия) и его сворачиванием. В то время как «гегемонные» авторитарные власти часто принимают на себя риски модернизации, опираясь на институты монархий, военных или однопартийных систем [Geddes 2003], электоральные авторитарные режимы используют те политические институты, которые похожи на демократические (выборы, партии, легислатуры), но при этом выполняют иные функции и оттого более уязвимы с точки зрения нарушения равновесия [Gandhi 2008; Svolik 2012]. Сложная техника политического контроля, используемая российскими властями, призвана избежать необходимости разрешения этой дилеммы [Petrov, Lipman, Hale 2014]. Короткий временной горизонт электоральных авторитарных режимов, заданный неустраняемыми «режимными циклами» [Hale 2015], также создает стимулы для сворачивания проектов авторитарной модернизации, если и когда политические лидеры ощущают внутренние и внешние вызовы своему политическому господству, несмотря на то, что масштаб этих вызовов часто преувеличивается. «Закручивание гаек» во внутренней политике России и нарастание международных конфликтов после 2014 г. создали иные риски, нежели те, что вызваны экономическим ростом и развитием, и с точки зрения проекта авторитарной модернизации их последствия более негативны, чем попытки сохранить политический статус-кво (чего можно было бы ожидать в случае «дилеммы короля»). На этом фоне трудно рассчитывать на возвращение на первый план в российской повестке дня приоритетов экономического роста и развития, подобно тому, что наблюдалось в начале 2000-х гг. [Gel'man, Starodubtsev 2016].

«Дилемма политика», проанализированная Барбарой Геддес в ходе исследования реформ политического курса в Латинской Америке [Geddes 1994], связана с тем, что попытки политических лидеров провести модернизацию своих стран «сверху» могут увязнуть из-за сопротивления заинтересованных групп на фоне неэффективности бюрократии [Evans, Rauch 1999], что приведет либо к их выхолащиванию, либо к частичному воплощению в жизнь в особых условиях под патронажем лидеров – «карманов эффективности» [Geddes 1994, pp. 61–69]. Эта дилемма актуальна и для сегодняшней России, о чем говорят неудачи ряда реформ, инициированных руководством страны [Wengle, Rasell 2008; Taylor 2014; Gel'man, Starodubtsev 2016]. Российские реформаторы либо шли на уступки бюрократии и/или заинтересованным группам, сводя на нет реализацию своих замыслов, либо пытались обойти стандартные процедуры и найти альтернативные решения, чтобы реализовать отдельные меры политического курса. В обоих случаях успехи были в лучшем случае частичными. Компромиссы с бюрократами и лоббистами вели к тому, что результаты преобразований оказывались далеки от намерений реформаторов. В то же время реализация реформ в особых «экспериментальных» условиях порой позволяла реформаторам «продать» свои планы, несмотря на критику заинтересованных групп и общественности. Казалось бы, такой подход позволял проводить в жизнь преобразования, которые в условиях демократической модернизации могли оказаться заблокированными [Starodubtsev 2017]. Но цена успехов также оказывалась велика: они создавали стимулы для злоупотреблений со сто-

роны бюрократии, заинтересованной в такого рода «обходных путях» принятия важнейших решений, помимо этого, в глазах россиян легитимность реформ оказывалась достаточно сомнительной.

Вызов несбывшихся обещаний стал неотъемлемой чертой российской модернизации еще с ранних советских времен. Начиная с большевистской революции и до наших дней СССР и Россия не смогли догнать развитые страны по уровню экономического развития и его важнейших компонентов – производительности труда и стандартам уровня жизни [Gregory 2004; Cheremukhin, Golosov, Guriev, Tsyvinski 2013], несмотря на позитивные эффекты индустриализации, урбанизации и роста образованности. Дефекты советской модели модернизации были неустранимы и сыграли немалую роль в коллапсе СССР [Gaidar 2007]. Попытки реформировать советскую систему во времена перестройки были плохо продуманы, основывались на многих иллюзиях и непониманиях среди элит и общества в целом, и неудивительно, что распад СССР рассматривался многими россиянами как (еще одно) несбывшееся обещание. Турбулентный период реформ 1990-х гг. также внес более чем противоречивый вклад в общественные представления [Åshund 2007; Treisman 2011; Gel'man, Marganiya, Travin 2014], воспринимавшие эти процессы с большим разочарованием. Оно лишь отчасти было компенсировано в период быстрого экономического роста 1999–2008 гг., провоцируя новые неоправданные надежды россиян на «сильное государство» как источник материального благополучия и растущих амбиций. Дело в том, что по истечении некоторого времени завершение экономического бума и нарастание проблем российской экономики могут усилить ощущения несбывшихся обещаний у россиян: по крайней мере, неудача кампании модернизации в период президентства Д.А. Медведева и вспышка массовых протестов 2011–2012 гг. говорят о вероятности такого рода развития событий. И хотя крупномасштабная государственная пропаганда и стремление оградить страну от внешних влияний призваны сдерживать эти тенденции на протяжении как можно более длительного периода, рано или поздно они способны проявить себя. Самая большая опасность разочарований состоит в убежденности, что любые попытки модернизации в России (авторитарной или иной) обречены на провал по определению вне зависимости от характера и направленности преобразований. Несмотря на то, что подобное мнение глубоко укоренено в интерпретациях как прошлого [Pipes 1974], так и настоящего России [Ledeneva 2013], не стоит впадать в смертный грех уныния и полагать, что у России нет никаких шансов на успешную модернизацию.

Наконец, «синдром посредственности» вызван распространенными убеждениями в том, что Россия – это великая и уникальная страна, заслуживающая особого статуса в силу своих прежних достижений, начиная с военных побед и заканчивая шедеврами культуры. Такое ретроспективное понимание места России в современном мире отчасти подогревает тщеславную погоню за статусом, но это не слишком полезно для выработки адекватной стратегии модернизации страны. Во многих отношениях Россия – это средняя по мировым меркам «нормальная» страна, проблемы которой часто не слишком далеки от тех, с которыми сталкиваются другие среднеразвитые страны. В известной мере разрыв между самооценками и реальностью похож на поведение некоторых подростков: если сравнить распределение стран с успеваемостью школьников, Россия не выглядит ни «отличницей» мирового развития (подобно Норвегии), ни закоренелой «двоечницей» (подобно Зимбабве), а, скорее, похожа на «троечницу» (подобно Аргентине, одной

из наиболее быстро развивавшихся стран начала XX в., которая сегодня утратила не только глобальное, но и региональное лидерство, уступая более динамичной Бразилии). Как и многие школьные «троечники», Россия с трудом справляется со своими текущими проблемами, но не в состоянии кардинально улучшить свои оценки (ухудшить, впрочем, тоже); Россия одновременно и завидует успешным «отличницам», и противопоставляет себя им. Несмотря на официальную риторику страха и ненависти к Западу, россияне предпочитают ездить на мерседесах, звонить друг другу по айфонам и отправить своих детей и внуков на учебу в Оксфорд. Такого рода сочетание посредственности и неадекватной самооценки влияет на российскую повестку дня не только в отношении идей, но и в отношении институтов и политического курса. Многочисленные международные агентства весьма низко оценивают качество российских институтов, особо отмечая упадок прав собственности и верховенства права (эти аспекты наиболее важны с точки зрения проектов модернизации) [Zaostrovtssev 2017]. Иными словами, Россия управляется намного хуже, чем можно было бы ожидать исходя из ее относительно высокого уровня социально-экономического развития, и предпринимает слишком мало усилий для улучшения качества государственного управления, подобно школьной «троечнице», не стремящейся улучшить свою успеваемость.

Проблемы низкого качества институтов в России связаны с феноменом «недостойного правления», накладывающего наиболее значимые ограничения на реализацию проекта авторитарной модернизации. Поиск ренты в России – это не просто побочный эффект коррупции и неэффективности, но главная цель и основное содержание управления государством на всех уровнях, в то время как формальные институты государства призваны обеспечивать достижение этих частных целей инсайдерами «вертикали власти» [Gel'man 2016].

Хотя ряд специалистов прослеживает истоки «недостойного правления» в современной России в историческом опыте страны еще до царствования Петра I [Pipes 1974] и в наследии коммунистического руководства [Beissinger, Kotkin 2014], эти тенденции во многом являются следствием сознательных стратегий политических и экономических акторов, которые стремятся к максимизации собственных выгод и консолидации своей власти и богатства. Если предельно огрублять, то можно утверждать, что «недостойное правление» в России стоит рассматривать как продукт сознательного институционального строительства, процесса, который модно уподобить преднамеренному «отравлению» социального организма [Gel'man 2016]. При этом, парадоксально, экономический рост и развитие служат целям поддержания этого политико-экономического порядка не только как инструменты максимизации ренты, но и как средство легитимации политического режима [Rogov 2015]: отчасти именно поэтому российские правящие группы оказываются заинтересованными в успешной реализации проекта авторитарной модернизации в среднесрочной перспективе. Но в этих условиях повестка дня «узкой» авторитарной модернизации наталкивается на фундаментальные ограничения. Реформы политического курса, ущемляющие интересы ряда влиятельных соискателей ренты, могут оказаться свернутыми, и даже их продвижение благодаря сильной политической поддержке часто может провоцировать непреднамеренные и нежелательные последствия, которые связаны не столько со спецификой политического курса в тех или иных сферах, сколько с иерархическим механизмом принятия и реализации решений в рамках «вертикали власти», усугубляющей про-

блемы принципал-агентских отношений. Именно поэтому реформы в различных сферах управления и экономики в России часто приводят к приватизации выгод и национализации издержек, но при этом не улучшают качество функционирования институтов. Таким образом, возникает порочный круг упущенных возможностей для социально-экономического развития. Хотя не стоит утверждать, что усилия по модернизации страны оказываются напрасными, однако их эффекты зачастую оказываются частичными, противоречивыми и недолговечными.

Идеи, институты и политический курс: уроки российского опыта

Приведенный выше список дилемм, вызовов и ограничений авторитарной модернизации в России далек от исчерпывающего, но даже он вызывает вопросы о том, в какой мере сам этот проект является релевантным по отношению к той ситуации, в которой находится страна. Должны ли мы рассматривать его как мечту российских лидеров и связанных с их политикой экспертов, или же авторитарная модернизация на самом деле станет ключевым направлением развития страны (и если да, то на каких направлениях и каким именно образом?). Каковы корни идей авторитарной модернизации в России и как они связаны с политическими и экономическими институтами страны, с одной стороны, и с проводимым властями политическим курсом, с другой?

Четверть века спустя после распада СССР, ознаменовавшего запуск проекта авторитарной модернизации в России, этот проект принес частичные и противоречивые результаты, и все три его измерения (идеи, институты и политический курс) далеки от изначальных целей этого проекта – догнать по уровню развития развитые страны посредством ускоренного роста экономики безотносительно к ограничениям политических и гражданских свобод. Как изначальные условия, в которых находилась Россия на момент распада СССР, так и ее последующие социально-экономические и политические траектории оказались далеки от небольшого числа историй успеха авторитарных модернизаций в других странах мира. В то время как на практике опыт авторитарной модернизации в современной России едва ли может служить образцом для подражания как для других стран, так и для будущего развития самой России, его стоит переосмыслить с точки зрения уроков, которые могут быть извлечены из российского опыта для повестки дня дальнейших исследований и для практических рекомендаций.

Идеи авторитарной модернизации в постсоветской России демонстрируют определенную несовместимость с дизайном этого проекта и в плане спроса, и в плане предложения на рынке идей. Они возникли во времена перестройки как реакция на исчерпание советского проекта модернизации и неудачные попытки его обновления и позднее усилились на фоне многочисленных проблем, с которыми столкнулась Россия после распада СССР [Gel'man, Marganiya, Travin 2014]. Поэтому в 2000-е гг. авторитарная модернизация многим представлялась своего рода волшебной палочкой, которая позволит России относительно быстро преодолеть свои проблемы без важнейших структурных изменений в политике, экономике и обществе. Модернизация стала как инструментом в руках политического руководства, заинтересованного в своей политической легитимации,

так и обоснованием политического курса, направленного на экономический рост и развитие страны. Но со временем предложение идей снизилось, и эти идеи в меньшей мере сочетались со спросом со стороны немалой части элит и общества в целом, ожидания которых строились на потребности в материальном благополучии «здесь и теперь».

В ходе постсоветских десятилетий идеи авторитарной модернизации в России утратили даже то относительно небольшое значение, которое они имели изначально. Их упадок со временем был вызван не только краткосрочным жизненным циклом любых идей [North, Wallis, Weingast 2009] и второстепенной ролью идей в постсоветском контексте в России [Hanson 2010]: идеи модернизации во многом оказались замещены интересами ключевых игроков, вовлеченных в поиск ренты, и интересами многих россиян, не имевших ни стимулов к большим переменам во имя модернизации, ни тем более желания приносить в жертву свое скромное благополучие ради этих перемен. Неудивительно, что модернизация в России воспринималась не более чем краткосрочная и поверхностная кампания в СМИ, а ее идеи вскоре удалось заболтать, если не забыть. В последние годы новая риторика глобального «величия» страны не просто вытеснила идею модернизации на уровне публичного дискурса, но и обозначила смену стратегий элит. Пока рано говорить о том, в какой мере эта смена парадигм развития способна положить конец проекту авторитарной модернизации в России, но некоторые эксперты выражали серьезный скептицизм в отношении и самих идей, и их релевантности целям развития страны в нормативном и прикладном плане [Guriev 2015; Rogov 2015].

Институты оказались другим слабым звеном проекта авторитарной модернизации в России. В течение 1990–2010-х гг. на фоне ухудшения качества институтов (и без того изначально низкого) [Zaostrovtssev 2017] российские власти в большей мере использовали их как инструменты ручного управления в политике и экономике, стремясь минимизировать вызовы своему господству. Преднамеренное создание неэффективных институтов и/или умышленная их «порча» стали распространенной российской практикой [Gel'man 2016]. Хотя в сфере экономики констатация плачевного состояния ряда ключевых институтов – прежде всего в плане прав собственности и верховенства права – превратилась в своего рода мантру, регулярно повторяемую как экспертами, так и представителями органов власти, но на деле усилия по улучшению качества институтов были незначительными, а их успехи – в лучшем случае скромными. Поэтому в более общем плане постсоветский опыт России говорит о том, что надежды на целенаправленное создание успешной комбинации инклюзивных экономических институтов и экстрактивных политических институтов, подобной существующей в сегодняшнем Китае [Acemoglu, Robinson 2012], являются не более чем иллюзиями. Более того, политические ограничения, связанные с отсутствием электоральной конкуренции и свободных СМИ, усугубляют проблемы «недостойного правления» [Gel'man 2016] в России (и не только). Несмотря на то, что ряд специалистов отмечают историческую обусловленность и укорененность в восприятии граждан этих явлений [Ledeneva 2013; Zaostrovtssev 2017], одновременно можно утверждать, что интересы наиболее влиятельных игроков, связанные с максимизацией извлечения ренты и с (вполне оправданным) стремлением закрепить свое доминирование на долгие годы, если не на десятилетия, играли важнейшую роль в процессе институционального строительства в России. В результате этого процесса в ходе политических, экономических и социальных изменений в России сложилось своего рода институциональное ядро «недостойного правления»,

и попытки снизить его воздействия на экономику и на общество путем создания новых (предположительно более эффективных) институтов и/или частичных изменений действующих институтов принесли не так много позитивных результатов.

Что касается политического курса, реализуемого в различных сферах развития России под руководством правительственных чиновников и при участии экспертов, то он сталкивался с самыми различными структурными и институциональными ограничениями. Во-первых, способность политического руководства изолировать реформы политического курса от воздействия со стороны заинтересованных групп в случае России оказалась довольно ограниченной: реформы либо подвергались компромиссам, которые вели к снижению их качества [Dekalchuk 2017], либо их ключевые элементы приносились в жертву наиболее влиятельным лоббистам – начиная с ректоров вузов [Starodubtsev 2017] до лидеров крупных профсоюзов [Grigoriev 2017]. Во-вторых, амбициозные планы технологической модернизации часто тормозились недостатком ресурсов и проблематичным наследием советского опыта, поэтому возможности для прорывов были ограничены, особенно на фоне низкого качества управления страной. В-третьих, в отсутствие публичных обсуждений реформ политического курса и в связи систематическим стремлением властей избежать этих дискуссий (особенно в отношении социальной политики [Wengle, Rasell 2008; Khmelnitskaya 2015]) реформы часто вели к приватизации выгод и к национализации издержек, и поэтому легитимность реформ в глазах россиян оказывалась под вопросом [Starodubtsev 2017].

Несмотря на это, было бы неверным отрицать определенные достижения тех реформ политического курса, которые проводило российское правительство в ходе реализации проекта авторитарной модернизации страны, особенно в период «золотого века» начала 2000-х гг. [Alexeev, Weber 2013; Popov 2014]. Эффективность политического курса возросла в различных сферах: намного улучшилась российская налоговая система [Appel 2011; Gel'man, Starodubtsev 2016], рынок труда был либерализован и во многом легализован [Grigoriev 2017], благодаря введению ЕГЭ поступление в вузы стало более прозрачным, а студенческая мобильность возросла [Starodubtsev 2017]. Однако в 2010 г. эксперты, принимавшие участие в разработке правительственной программы реформ в начале 2000-х гг., обнаружили, что в той или иной мере было реализовано менее половины предложенных ими мер, и лишь часть из них оказалась внедрена более или менее успешно. Аналогичный показатель реализации программы реформ «Стратегия-2020» составил менее 30%: часть реформ была заблокирована на стадии обсуждений, да и многие из воплощенных в жизнь решений повлекли за собой непреднамеренные последствия [Gel'man, Starodubtsev 2016]. Но трудно судить, в какой мере успехи тех или иных реформ были достигнуты благодаря проекту авторитарной модернизации либо же вопреки ему, либо вне зависимости от контекста преобразований. Даже если кто-либо станет настаивать, что проект авторитарной модернизации способствовал успеху реформ политического курса в России, это утверждение окажется под большим вопросом. В целом сочетание факторов, необходимых для успеха реформ политического курса, встречалось редко, и изоляция реформаторов от влияния заинтересованных групп не всегда давала позитивные эффекты; напротив, цена ошибок при таком подходе резко возрастала. Продолжая метафору Геддес, стоит говорить о том, что в российских условиях «карманы эффективности» часто оказывались дырявыми.

В сравнительной перспективе постсоветский опыт авторитарной модернизации в России свидетельствует, что политические лидеры, даже если они искренне заинтересованы в реализации программ экономического роста и развития, не способны повторить успехи Ли Кван Ю и других авторитарных реформаторов. Те, кто опирается на неэффективную бюрократию как основу своей «выигрышной коалиции» [Bueno de Mesquita, Smith, Siverson, Morrow 2003], редко готовы идти на риски нарушения политического баланса во имя достижения целей реформ и развития. Поэтому авторитарная модернизация в лучшем случае сводится к набору частичных и/или временных непоследовательных преобразований, а в худшем – служит «дымовой завесой» для максимизации власти и ренты. Во многом именно так можно оценивать опыт России в начале XXI в.: первоначальные усилия по проведению реформ в начале 2000-х гг. позднее во многом оказались сведены к пустым словам на фоне нарастания авторитарных тенденций [Gel'man 2015]. Сказанное, однако, отнюдь не подтверждает, что потенциальная демократизация страны (если и когда она произойдет) создаст более благоприятные условия для социально-экономических преобразований в стране: скорее, они столкнутся с новыми вызовами. Нет оснований рассчитывать и на то, что реформы политического курса в условиях электорального авторитаризма и низкого качества государства могут принести много позитивных плодов.

Хотя в свете текущих событий в России трудно предполагать дальнейшую судьбу проекта авторитарной модернизации, но в любом случае эта проблематика останется важнейшей составной частью дискуссий о дальнейшем развитии нашей страны. Идеи, институты и политический курс модернизации нуждаются в новом переосмыслении в свете тех уроков, которые могут быть вынесены из опыта реформ и контрреформ в современной России. Анализ пути проб и ошибок полезен тем, кто стремится не повторить прежних неудач и не оказаться вновь в «модернизационной ловушке»: детальное изучение опыта авторитарной модернизации позволит улучшить траекторию, по которой будет двигаться Россия.

Литература

- Аузан А., Золотов А. (2008) Коалиции за модернизацию: анализ возможности возникновения // Вопросы экономики. № 1. С. 97–107.
- Грин С. (2011) Природа неподвижности российского общества // Pro et Contra. Т. 15. № 1–2. С. 6–19.
- Гудков Л. (1) (2011) Абортивная модернизация. М.: РОССПЭН.
- Гудков Л. (2) (2011) Инерция пассивной адаптации // Pro et Contra. Т. 15. № 1–2. С. 20–42.
- Иноземцев В. (ред.) (2009) Модернизация России: условия, предпосылки, шансы. М.: Центр исследований постиндустриального общества (в 2-х тт.).
- Мау В. (2002) Посткоммунистическая Россия в постиндустриальном мире: проблемы догоняющего развития // Вопросы экономики. № 7. С. 34–38.
- Мау В. (2004) Догоняющая модернизация в современной России // Проблемы теории и практики управления. № 4. С. 13–16.
- Полтерович В. (2007) Элементы теории реформ. М.: Экономика.
- Полтерович В. (2008) Стратегии модернизации, институты и коалиции // Вопросы экономики. № 4. С. 4–24.

- Пономарев И.В., Ремизов М.В., Карев Р.Н., Бакулев К.С. (ред.) (2009) Модернизация России как построение нового государства. М.: ИНСОР.
- Путин В. (2005) Послание Федеральному Собранию Российской Федерации, 25 апреля 2005 // <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>
- Стратегия-2020 (2012). Новая модель роста – новая социальная политика. М.: Дело (в 2-х тт.).
- Травин Д., Маргания О. (2004) Европейская модернизация. М.: АСТ; СПб: Terra Fantastica (в 2-х тт.).
- Травин Д., Маргания О. (2011) Модернизация: от Елизаветы Тюдор до Егора Гайдара. М.: АСТ, Астрель.
- Acemoglu D., Robinson J.A. (2012) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, New York: Crown Business.
- Alexeev M., Weber S. (eds.) (2013) *The Oxford Handbook of the Russian Economy*, Oxford: Oxford University Press.
- Appel H. (2011) *Tax Politics in Eastern Europe: Globalization, Regional Integration, and the Democratic Compromise*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Åslund A. (2007) *Russia's Capitalist Revolution: Why Market Reforms Succeeded and Democracy Failed*, Washington, DC: Peterson Institute for International Economics.
- Beissinger M., Kotkin S. (eds.) (2014) *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Black C. (1966) *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*, New York: Harper & Row.
- Bueno de Mesquita B., Smith A., Siverson R.M., Morrow J. (2003) *The Logic of Political Survival*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Carothers T. (2007) The “Sequencing” Fallacy // *Journal of Democracy*, vol. 18, no 1, pp. 12–27.
- Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A. (2013) Was Stalin Necessary for Russia's Economic Development? // NBER Working Papers, no 19425 // <http://www.nber.org/papers/w19425>
- Dekalchuk A.A. (2017) Choosing between Bureaucracy and the Reformers: The Russian Pension Reform of 2001 as a Compromise Squared // *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies* (ed. Gel'man V.), London: Routledge, pp. 166–182.
- Easterly W. (2014) *The Tyranny of Experts: Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor*, New York: Basic Books.
- Evans P. (1995) *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Evans P., Rauch J. (1999) Bureaucracy and Growth: A Cross-National Analysis of Effects of the “Weberian” State Structures on Economic Growth // *American Sociological Review*, vol. 64, no 5, pp. 748–765.
- Gaddy C.G., Ickes B. (2013) *Bear Traps on Russia's Road to Modernization*, London: Routledge.
- Gaidar Y. (2007) *Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia*, Washington, DC: Brookings Institution Press.
- Gandhi J. (2008) *Political Institutions under Dictatorship*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Geddes B. (1994) *Politician's Dilemma: Building State Capacity in Latin America*, Berkeley: University of California Press.
- Geddes B. (2003) *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Gel'man V. (2014) Authoritarian Modernization in Russia? // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 22, no 4, pp. 499–501.
- Gel'man V. (2015) *Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Gel'man V. (2016) The Vicious Circle of Post-Soviet Neopatrimonialism in Russia // *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no 5, pp. 455–473.
- Gel'man V., Marganiya O., Travin D., (2014) *Reexamining Economic and Political Reforms in Russia, 1985–2000: Generations, Ideas, and Changes*, Lanham, MD: Lexington Books.
- Gel'man V., Starodubtsev A. (2016) Opportunities and Constraints of Authoritarian Modernization: Russian Policy Reforms of the 2000s // *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no 1, pp. 97–117.

- Gerschenkron A. (1962) *Economic Backwardness in Historical Perspective*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Gregory P.R. (2004) *The Political Economy of Stalinism: Evidence from the Soviet Secret Archives*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Greene K. (2010) *The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance* // *Comparative Political Studies*, vol. 43, no 7, pp. 803–834.
- Grigoriev I.S. (2017) *Labor Reform in Putin's Russia: Could Modernization Be Democratic?* // *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies* (ed. Gel'man V.), London: Routledge, pp. 183–199.
- Guriey S. (2015) *Russia's Indefensible Military Budget* // *Project Syndicate*, 14 May 2015 // <https://www.project-syndicate.org/commentary/russia-military-spending-by-sergei-guriey-2015-05>
- Guriey S., Treisman D. (2015) *How Modern Dictators Survive: Cooptation, Censorship, Propaganda, and Repression* // *Sciences-po.fr* // <http://econ.sciences-po.fr/sites/default/files/file/guriey/GurieyTreismanFeb19.pdf>
- Hale H.E. (2015) *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hanson S. (2010) *Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Huntington S. (1968) *Political Order in Changing Societies*, New Haven: Yale University Press.
- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Changes, and Democracy: A Human Development Sequence*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Khmelnitskaya M. (2015) *The Policy-Making Process and Social Learning in Russia: The Case of Housing Policy*, London: Palgrave Macmillan.
- Kinossian N., Morgan K. (2014) *Development by Decree: The Limits of 'Authoritarian Modernization' in the Russian Federation* // *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 38, no 5, pp. 1678–1696.
- Ledeneva A.V. (2013) *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks, and Informal Governance*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Levitsky S., Way L.A. (2010) *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Lo B., Shevtsova L. (2012) *A 21st Century Myth – Authoritarian Modernization in Russia and China* // *Carnegie Endowment for International Peace* // http://carnegieendowment.org/files/BoboLo_Shevtsova_web.pdf
- Magaloni B. (2008) *Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule* // *Comparative Political Studies*, vol. 41, no 4–5, pp. 715–741.
- Medvedev D. (2009) *Go, Russia!* // *RT.com*, 10 September 2009 // <https://www.rt.com/politics/official-word/dmitry-medvedev-program-document/>
- Melville A., Mironyuk M. (2016) “Bad Enough Governance”: State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies // *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no 2, pp. 132–151.
- Mendras M. (2011) *Russian Politics: The Paradox of a Weak State*, New York: Columbia University Press.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Offe C. (1991) *Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe* // *Social Research*, vol. 58, no 4, pp. 865–892.
- Petrov N., Lipman M., Hale H.E. (2014) *Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin* // *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 1, pp. 1–26.
- Pietilainen J. (2017) *Framing Modernization in Russian Newspapers: Words, Not Deeds* // *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies* (ed. Gel'man V.), London: Routledge, pp. 55–72.
- Pipes R. (1974) *Russia under the Old Regime*, New York: Scribner.
- Polterovich V., Popov V. (2007) *Democratization, Quality of Institutions and Economic Growth* // *TIGER Working Papers*, no 102 // <http://www.tiger.edu.pl/publikacje/TWP102.pdf>
- Popov V. (2014) *Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia, and the West*, Oxford: Oxford University Press.

- Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. (2000) *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Rodrik D. (2010) *The Myth of Authoritarian Growth* // Project Syndicate, 9 August 2010 // <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-myth-of-authoritarian-growth>
- Rogov K. (2015) *Can “Putinomics” Survive?* // European Council of Foreign Relations Policy Memo, June 2015 // http://www.ecfr.eu/page/-/Can_Putinomics_survive_3.pdf
- Shleifer A., Treisman D. (2000) *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Shleifer A., Treisman D. (2004) *A Normal Country* // *Foreign Affairs*, vol. 83, no 2, pp. 20–38.
- Starodubtsev A. (2017) *How Does the Government Implement Unpopular Reforms? Evidence from Education Policy in Russia* // *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies* (ed. Gel'man V.), London: Routledge, pp. 148–165.
- Svolik M. (2012) *The Politics of Authoritarian Rule*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Taylor B. (2014) *The Police Reform in Russia: Policy Process in a Hybrid Regime* // *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 2–3, pp. 226–255.
- Treisman D. (2011) *The Return: Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev*, New York: Free Press.
- Wengle S., Rasell M. (2008) *The Monetization of L'goty: Changing Patterns of Welfare Politics and Provision in Russia* // *Europe-Asia Studies*, vol. 60, no 5, pp. 739–756.
- Zaostrovtssev A. (2017) *Authoritarianism and Institutional Decay in Russia: Disruption of Property Rights and the Rule of Law* // *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies* (ed. Gel'man V.), London: Routledge, pp. 73–94.
- Zhuravskaya E., Guriev S. (2010) *Why Russia is Not South Korea* // *Journal of International Affairs*, vol. 63, no 2, pp. 125–139.

Authoritarian Modernization in Russia – Mission: Impossible?³

V. GEL'MAN*

***Vladimir Gel'man** – Candidate of Science in Politics, Professor, European University at St. Petersburg, University of Helsinki. Address: 3A, Gagarinskaya St., St. Petersburg, 191187, Russian Federation. E-mail: vgelman@eu.spb.ru

Citation: Gel'man V. (2017) *Authoritarian Modernization in Russia – Mission: Impossible? Mir Rossii*, vol. 26, no 2, pp. 38–61 (in Russian)

Abstract

This article analyses post-Soviet reforms in Russia, and treats them as an example of ‘authoritarian modernization’, which were implemented to achieve a high level of socio-economic development by focusing on rapid economic growth while neglecting political democratization. It discusses the arguments in favour of authoritarian modernization as

---

³ The article is a part of the Center of Excellence “Choices of Russian Modernization” funded by the Academy of Finland (grant no. 284664).

such, and the dilemmas, challenges, and constraints in its implementation which became evident during the period of 1990–2010s. A special emphasis is made on the poor quality of the Russian state against the background of its relatively low international integration. The rent-seeking nature of the state together with the formation and further entrenchment of an electorally authoritarian regime provide negative incentives for the implementation of authoritarian modernization. The article considers a number of contradictions associated with such a project in Russia, including some unintended consequences of the economic growth, including the growth of the demands for democratization, the disjuncture between ambitious policy reforms and their inept implementation by the state apparatus, and the ‘mediocrity syndrome’ resulting from unjustified claims of Russia’s unique influence on the global scale. The article concludes that the features of Russia’s current political and economic order impose insurmountably high barriers for the implementation of authoritarian modernization in terms of ideas, institutions, and policies, thereby exhausting the very potential of this project.

Key words: modernization, authoritarianism, governance, reforms, policy, political regime

References

- Acemoglu D., Robinson J.A. (2012) *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty*, New York: Crown Business.
- Alexeev M., Weber S. (eds.) (2013) *The Oxford Handbook of the Russian Economy*, Oxford: Oxford University Press.
- Appel H. (2011) *Tax Politics in Eastern Europe: Globalization, Regional Integration, and the Democratic Compromise*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Åslund A. (2007) *Russia’s Capitalist Revolution: Why Market Reforms Succeeded and Democracy Failed*, Washington, DC: Peterson Institute for International Economics.
- Auzan A., Zolotov V. (2008) Koalitsii za modernizatsiyu: analiz vozmozhnosti voznikoveniya [Coalitions for Modernization: An Analysis of Possibilities of Emergence]. *Voprosy ekonomiki*, no 1, pp. 97–107.
- Beissinger M., Kotkin S. (eds.) (2014) *Historical Legacies of Communism in Russia and Eastern Europe*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Black C. (1966) *The Dynamics of Modernization: A Study in Comparative History*, New York: Harper & Row.
- Bueno de Mesquita B., Smith A., Siverson R.M., Morrow J. (2003) *The Logic of Political Survival*, Cambridge, MA: MIT Press.
- Carothers T. (2007) The “Sequencing” Fallacy. *Journal of Democracy*, vol. 18, no 1, pp. 12–27.
- Cheremukhin A., Golosov M., Guriev S., Tsyvinski A. (2013) Was Stalin Necessary for Russia’s Economic Development? *NBER Working Papers*, no 19425. Available at: <http://www.nber.org/papers/w19425>, accessed 1 March 2017.
- Dekalchuk A.A. (2017) Choosing between Bureaucracy and the Reformers: The Russian Pension Reform of 2001 as a Compromise Squared. *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies* (ed. Gel'man V.), London: Routledge, pp. 166–182.
- Easterly W. (2014) *The Tyranny of Experts: Economists, Dictators, and the Forgotten Rights of the Poor*, New York: Basic Books.
- Evans P. (1995) *Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation*, Princeton, NJ: Princeton University Press.

- Evans P., Rauch J. (1999) Bureaucracy and Growth: A Cross-National Analysis of Effects of the “Weberian” State Structures on Economic Growth. *American Sociological Review*, vol. 64, no 5, pp. 748–765.
- Gaddy C.G., Ickes B. (2013) *Bear Traps on Russia’s Road to Modernization*, London: Routledge.
- Gaidar Y. (2007) *Collapse of an Empire: Lessons for Modern Russia*, Washington, DC: Brookings Institution Press.
- Gandhi J. (2008) *Political Institutions under Dictatorship*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Geddes B. (1994) *Politician’s Dilemma: Building State Capacity in Latin America*, Berkeley: University of California Press.
- Geddes B. (2003) *Paradigms and Sand Castles: Theory Building and Research Design in Comparative Politics*, Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Gel’man V. (2014) Authoritarian Modernization in Russia? *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*, vol. 22, no 4, pp. 499–501.
- Gel’man V. (2015) *Authoritarian Russia: Analyzing Post-Soviet Regime Changes*, Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Gel’man V. (2016) The Vicious Circle of Post-Soviet Neopatrimonialism in Russia. *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no 5, pp. 455–473.
- Gel’man V., Marganiya O., Travin D. (2014) *Reexamining Economic and Political Reforms in Russia, 1985–2000: Generations, Ideas, and Changes*, Lanham, MD: Lexington Books.
- Gel’man V., Starodubtsev A. (2016) Opportunities and Constraints of Authoritarian Modernization: Russian Policy Reforms of the 2000s. *Europe-Asia Studies*, vol. 68, no 1, pp. 97–117.
- Gerschenkron A. (1962) *Economic Backwardness in Historical Perspective*, Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Greene K. (2010) The Political Economy of Authoritarian Single-Party Dominance. *Comparative Political Studies*, vol. 43, no 7, pp. 803–834.
- Greene S. (2011) Priroda nepodvizhnosti rossijskogo obshchestva [The Nature of Immobility of the Russian Society]. *Pro et Contra*, vol. 15, no 1–2, pp. 6–19.
- Gregory P.R. (2004) *The Political Economy of Stalinism: Evidence from the Soviet Secret Archives*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Grigoriev I.S. (2017) Labor Reform in Putin’s Russia: Could Modernization Be Democratic? *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies* (ed. Gel’man V.), London: Routledge, pp. 183–199.
- Gudkov L. (1) (2011) *Abortivnaya modernizatsiya* [Aborted Modernization], Moscow: ROSSPEN.
- Gudkov L. (2) (2011) Inertsia passivnoj adaptatsii [The Inertia of Passive Adaptation]. *Pro et Contra*, vol. 15, no 1–2, pp. 20–42.
- Guriev S. (2015) Russia’s Indefensible Military Budget. *Project Syndicate*, 14 May 2015. Available at: <https://www.project-syndicate.org/commentary/russia-military-spending-by-sergei-guriev-2015-05>, accessed 1 March 2017.
- Guriev S., Treisman D. (2015) How Modern Dictators Survive: Cooptation, Censorship, Propaganda, and Repression. *Sciences-po.fr*: Available at: <http://econ.sciences-po.fr/sites/default/files/file/guriev/GurievTreismanFeb19.pdf>, accessed 1 March 2017.
- Hale H.E. (2015) *Patronal Politics: Eurasian Regime Dynamics in Comparative Perspective*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Hanson S. (2010) *Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Huntington S. (1968) *Political Order in Changing Societies*, New Haven: Yale University Press.
- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Changes, and Democracy: A Human Development Sequence*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Inozemtsev V. (ed.) (2009) *Modernizatsiya Rossii: usloviya, predposylki, shansy* [Russia’s: Modernization of Russia: Conditions, Prerequisites, Chances], Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrial’nogo obshchestva (2 vols.).
- Khmel’nitskaya M. (2015) *The Policy-Making Process and Social Learning in Russia: The Case of Housing Policy*, London: Palgrave Macmillan.
- Kinossian N., Morgan K. (2014) Development by Decree: The Limits of ‘Authoritarian Modernization’ in the Russian Federation. *International Journal of Urban and Regional Research*, vol. 38, no 5, pp. 1678–1696.

- Ledeneva A.V. (2013) *Can Russia Modernise? Sistema, Power Networks, and Informal Governance*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Levitsky S., Way L.A. (2010) *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Lo B., Shevtsova L. (2012) A 21st Century Myth – Authoritarian Modernization in Russia and China. *Carnegie Endowment for International Peace*. Available at: http://carnegieendowment.org/files/BoBoLo_Shevtsova_web.pdf, accessed 1 March 2017.
- Magaloni B. (2008) Credible Power-Sharing and the Longevity of Authoritarian Rule. *Comparative Political Studies*, vol. 41, no 4–5, pp. 715–741.
- Mau V. (2002) Postkommunisticheskaya Rossiya v postindustrial'nom mire: problemy dogonyayushchego razvitiya [Post-Communist Russia in the Post-Industrial World: the Problems of Catch-Up Development], *Voprosy ekonomiki*, no 7, pp. 34–38.
- Mau V. (2004) Dogonyayushchaya modernizatsiya v sovremennoj Rossii [Catch-Up Modernization in Contemporary Russia], *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, no 4, pp. 13–16.
- Medvedev D. (2009) Go, Russia! *RT.com*, 10 September 2009. Available at: <https://www.rt.com/politics/official-word/dmitry-medvedev-program-document/>, accessed 1 March 2017.
- Melville A., Mironyuk M. (2016) “Bad Enough Governance”: State Capacity and Quality of Institutions in Post-Soviet Autocracies. *Post-Soviet Affairs*, vol. 32, no 2, pp. 132–151.
- Mendras M. (2011) *Russian Politics: The Paradox of a Weak State*, New York: Columbia University Press.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. (2009) *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Offe C. (1991) Capitalism by Democratic Design? Democratic Theory Facing the Triple Transition in East Central Europe. *Social Research*, vol. 58, no 4, pp. 865–892.
- Petrov N., Lipman M., Hale H.E. (2014) Three Dilemmas of Hybrid Regime Governance: Russia from Putin to Putin. *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 1, pp. 1–26.
- Pietilainen J. (2017) Framing Modernization in Russian Newspapers: Words, Not Deeds. *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies* (ed. Gel'man V.), London: Routledge, pp. 55–72.
- Pipes R. (1974) *Russia under the Old Regime*, New York: Scribner.
- Polterovich V. (2007) *Elementy teorii reform* [The Elements of the Theory of Reforms], Moscow: Ekonomika.
- Polterovich V. (2008) Strategii modernizatsii, instituty i koalitsii [Strategies of Modernization, Institutions, and Coalitions], *Voprosy ekonomiki*, no 4, pp. 4–24.
- Polterovich V., Popov V. (2007) Democratization, Quality of Institutions and Economic Growth. *TIGER Working Papers*, no 102. Available at: <http://www.tiger.edu.pl/publikacje/TWP102.pdf>, accessed 1 March 2017.
- Ponomarev I.V., Remizov M.V., Karev R.N., Bakulev K.S. (eds.) (2009) *Modernizatsiya Rossii kak postroenie novogo gosudarstva* [Russia's Modernization as the Building of the New State], Moscow: INSOR.
- Popov V. (2014) *Mixed Fortunes: An Economic History of China, Russia, and the West*, Oxford: Oxford University Press.
- Przeworski A., Alvarez M., Cheibub J., Limongi F. (2000) *Democracy and Development: Political Institutions and Well-Being in the World, 1950–1990*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Putin V. (2005) Poslanie Federal'nomu Sobraniyu Rossiiskoi Federatsii [Presidential Address to the Federal Assembly of the Russian Federation], 25 April 2005. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>, accessed 1 March 2017.
- Rodrik D. (2010) The Myth of Authoritarian Growth. *Project Syndicate*, 9 August 2010. Available at: <http://www.project-syndicate.org/commentary/the-myth-of-authoritarian-growth>, accessed 1 March 2017.
- Rogov K. (2015) Can “Putinomics” Survive? *European Council of Foreign Relations Policy Memo*, June 2015. Available at: http://www.ecfr.eu/page/-/Can_Putinomics_survive_3.pdf, accessed 1 March 2017.
- Shleifer A., Treisman D. (2000) *Without a Map: Political Tactics and Economic Reform in Russia*, Cambridge, MA: MIT Press.

- Shleifer A., Treisman D. (2004) A Normal Country. *Foreign Affairs*, vol. 83, no 2, pp. 20–38.
- Starodubtsev A. (2017) How Does the Government Implement Unpopular Reforms? Evidence from Education Policy in Russia. *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies* (ed. Gel'man V.), London: Routledge, pp. 148–165.
- Strategiya-2020* (2012). *Novaya model' rosta – novaya sotsial'naya politika* [Strategy-2020: New Model of Growth – New Social Policy], Moscow: Delo (2 vols.).
- Svolik M. (2012) *The Politics of Authoritarian Rule*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Taylor B. (2014) The Police Reform in Russia: Policy Process in a Hybrid Regime. *Post-Soviet Affairs*, vol. 30, no 2–3, pp. 226–255.
- Travin D., Marganiya O. (2004) *Evropejskaya modernizatsiya* [European Modernization], Moscow: AST: St.Petersburg: Terra Fantastica (2 vols.).
- Travin D., Marganiya O. (2011) *Modernizatsiya: ot Elizavety Tyudor do Egora Gaidara* [Modernization: from Elizabeth Tudor to Yegor Gaidar], Moscow: AST, Astrel'.
- Treisman D. (2011) *The Return: Russia's Journey from Gorbachev to Medvedev*, New York: Free Press.
- Wengle S., Rasell M. (2008) The Monetization of L'goty: Changing Patterns of Welfare Politics and Provision in Russia. *Europe-Asia Studies*, vol. 60, no 5, pp. 739–756.
- Zaostrovtssev A. (2017) Authoritarianism and Institutional Decay in Russia: Disruption of Property Rights and the Rule of Law. *Authoritarian Modernization in Russia: Ideas, Institutions, and Policies* (ed. Gel'man V.), London: Routledge, pp. 73–94.
- Zhuravskaya E., Guriev S. (2010) Why Russia is Not South Korea. *Journal of International Affairs*, vol. 63, no 2, pp. 125–139.